

диционная поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Добровольская 2002 — *Добровольская В.Е.* Герой-ребенок в русских волшебных сказках // Традиционная культура. 2002. № 4 (8). С. 18—23.

Елеонская 1994 — *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994.

Зуева 1993 — *Зуева Т.В.* Волшебная сказка. М., 1993.

Зеленин 1934 — *Зеленин Д.К.* Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности, 1882—1932: Сб. статей. Л., 1934. С. 215—240.

Лупанова 1979 — *Лупанова И.П.* «Смеховой мир» русской волшебной сказки // Русский фольклор. Т. 19. Л., 1979. С. 68—76.

Лутовинова 1994 — *Лутовинова Е.И.* Нравственный идеал русских волшебных сказок // Архетипы в фольклоре и литературе. Кемерово, 1994. С. 30—36.

Лутовинова 1998 — *Лутовинова Е.И.* Сюжетный состав и принципы систематизации волшебных сказок с героиней-женщиной. Кемерово, 1998.

Мелетинский 1958 — *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.

Никифоров 1928 — *Никифоров А.И.* К вопросу о морфологическом изучении сказки // Сб. в честь акад. А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 173—178.

Новик 1975 — *Новик Е.С.* Система персонажей в русской волшебной сказке // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 214—246.

Новиков 1974 — *Новиков Н.В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

Пропп 1969 — *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1969.

Пропп 1976 — *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избр. статьи. Л., 1976.

Пропп 1984 — *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984.

Пропп 1986 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / Отв. ред. В.И. Еремина, Н.М. Герасимова. Л., 1986.

Трубецкой 1995 — *Трубецкой Е.Н.* «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Трубецкой Е.Н. Избранное / Сост., послеслов. и коммент. В.В. Сапова. М., 1995. С. 386—430.

Тудоровская 1960 — *Тудоровская Е.А.* Некоторые черты доклассового мировоззрения в русской народной сказке // Русский фольклор. Т. 5. М.; Л., 1960. С. 102—126.

СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. Л., 1979.

Фрейд 1998 — *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.; М., 1998.

Фрезер 1980 — *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980.

Фрезер 1989 — *Фрезер Дж.Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989.

Г.З. ИМАЕВА

(Уфа)

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ВАРИАНТЫ СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА АТ 1534 «ШЕМЯКИН СУД»

Сказки о судах принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Они имеются, по существу, у всех народов. С древнейших времен, задолго до того, как оформилось государство и появилось право, между людьми возникали спорные и конфликтные ситуации, требовавшие разрешения с помощью третейского суда.

Одним из наиболее распространенных сюжетов о судах является сказка типа АТ 1534, которая зафиксирована в «Указателе сказочных сюжетов» Аарне — Томпсона под названием «Шемякин суд». Впервые в печати сказка появилась в издании В.А. Левшина [Левшин 1780, 32—53] и была представлена одним русским вариантом. В XIX веке, насколько нам известно, было опубликовано на разных языках 33 варианта данной сказки (из них двенадцать русских, четыре украинские, четыре белорусские, три персидские, четыре индийские, две итальянские, три немецкие и две тюркоязычные версии). В XX веке число опубликованных вариантов увеличилось почти вдвое (53), прежде всего, благодаря большому интересу к устному творчеству народов СССР. Появились сборники сказочного эпоса таджиков, узбеков, казахов, азербайджанцев, ингушей, туркмен, абазинцев и т.д.

Содержание сказки напоминает повесть XVII века о «Шемякином суде». Фабула повести такова. Бедняк нечаянно отрывает хвост лошади, одолженной им у богатого брата, и тот ведет его к судье. Также нечаянно бедняк падает на ребенка и убивает его, а затем в отчаянии бросается с моста, падает на старика, в свою очередь убивая и того. Судья, приняв спрятанный бедняком-ответчиком за пазухой камень за припасенные для взятки деньги, выносит решение в его пользу. Все моменты развития действия повести и сказки совпадают. Такая точность, по-видимому, не является случайной, и за ней скрывается историческая связь между повестью и сказкой.

Рассмотрим более подробно тюркоязычные (в том числе башкирские и татарские) и некоторые другие восточные варианты сюжета «Шемякин суд».

В опубликованных тюркоязычных сказках типа АТ 1534 действие получает следующее развитие:

1. бедняк занимает у богатого человека деньги с условием заплатить куском мяса от собственного тела, если не возвратит долга в срок;

2. по дороге к кадию (судье) помогает прохожему вытащить из грязи осла, но отрывает ему хвост;

3. нечаянно толкает беременную женщину, отчего она падает и преждевременно разрешается ребенком;

4. бросается вниз с возвышенного места и убивает при падении человека;

5. за всё это должен держать ответ перед судом;

6. застаёт за непотребным занятием кадия, который, опасаясь разоблачения или в надежде на взятку, судит в пользу виновного.

Тюркоязычные варианты сюжета АТ 1534 имеют много общих особенностей с европейскими вариантами и вместе с тем тяготеют к восточному сказочному материалу.

В фольклоре народов мира широко распространена история о ростовщике, захотевшем вырезать у должника фунт мяса (см. дагестанскую сказку «Ростовщик и бедняк» [СНД, № 81]); в научной литературе этот мотив известен как «мотив Шейлока» (АТ 890), — по имени героя драмы Шекспира «Венецианский купец» [Тихонравов 1861, 35] (1600 г.). Ростовщик Шейлок дает займы крупную сумму денег купцу Антонио и берет с него расписку, что в случае неуплаты долга в срок он, Шейлок, имеет право вырезать фунт мяса из тела должника. Разорившийся Антонио не может уплатить долг, взятый им для своего друга Бассанио, в назначенный срок, и Шейлок неумолимо требует выполнения договоренности. Невеста Бассанио, переодевая адвокатом, доказывает на суде, что Шейлок имеет право только на фунт мяса из тела Антонио, но не на его кровь; если он прольет хоть каплю крови, то ответит за убийство. Шейлок проигрывает иск.

Мотив Шейлока (вырезать фунт мяса) засвидетельствован уже в 1300 г. С тех

пор сюжет бытует в южнозападноевропейской литературе. Специально исследовал этот вопрос Синшеймер [Sinsheimer 1947]. Названный мотив, хотя и весьма бегло, рассматривается и Ц. Зофером в его диссертации «Das Urteil des Schejmjaka» [Sofer 1965, 107—108]. Ц. Зофер присоединяется к мнению Т. Бенфея [Benfey 1859, 402—403], подтвержденному в [Liungman 1961, № 890], согласно которому мотив этот восточного происхождения. А. Весельский эту гипотезу отрицал, ссылаясь на преимущественное распространение рассказа в западноевропейской средневековой литературе, поскольку до сих пор отсутствуют, в частности, убедительные индийские варианты [Wesselski 1925, № 61].

Оба типа, АТ 890 и АТ 1534, встречаются в устойчивой контаминации в персидско-турецких вариантах, что может послужить доводом против гипотезы А. Весельского. Именно такая комбинация сюжетов (АТ 890+АТ 1534) распространена в основном на Ближнем Востоке, например в Турции, Ираке, Иране. В фольклоре народов бывшего СССР слияние этих сюжетных типов произошло в дагестанской и таджикской сказках. В азербайджанском и абазинском вариантах [Азерб. ск., 49; Абаз. ск., № 109] есть мотив взятых в долг денег, но ничего не говорится об условии в случае неуплаты долга вырезать мясо из тела должника. В казахской сказке [КНС 2, 280] также происходит некоторая трансформация сюжета АТ 890: герой вместо денег обещает лодочнику один черак (5—6 фунтов) мяса за то, чтобы тот переправил его на другой берег реки. Так как мяса у него не оказывается, лодочник требует собственного мяса виновного из его икр.

Следующий мотив порчи животного, встречающийся в тюркоязычных — туркменском, азербайджанском — вариантах [Туркм. ск., № 42; Азерб. ск., 490], имеет свои соответствия как в западноевропейских, так и в восточных сказках. По дороге в суд главный герой помогает прохожему вытащить из грязи осла (лошадь), но, чересчур усердствуя, отрывает животному хвост (существуют параллели в итальянском, двух филиппинских [Буслаев 1886, 303; Фил. ск., № 5 ab], а также в большинстве восточных вариантов). Бывает и другой поворот собы-

тий. В казахской сказке прохожий не может остановить верблюда, просит помочь; бедняк, бросив палку, лишает животное глаза (ср. дагестанский, таджикский, сирийский, курдский, персидский, индийский и др. восточные варианты [СНД, № 81; Тадж. ск., 534—536; Сир. ск., 226—230; Курд. ск., № 64; Жуковский 1891, 1—22; Буслаев 1886, 301—302 и др.]). Чаще всего эти мотивы не встречаются в одной сказке, но бывают и исключения: обвиняемый в туркменском, а также в дагестанском, таджикском, индийском и персидском вариантах и отрывает хвост у осла, и ослепляет на один глаз лошадь [Туркм. ск., № 42; СНД, № 81; Тадж. ск., 534—536; Schiefner 1906, 29—36; Жуковский 1891, 1—22].

Мотив невольного убийства ребенка во чреве матери достаточно полно представлен как в тюркоязычных, так и в других восточных повествованиях. В туркменской и таджикской сказках [Туркм. ск., № 42; Тадж. ск., 534—536] главный герой просит напиток у беременной женщины и брезгливо отталкивает грязный кувшин или кружку, отчего женщина падает и разрешается мертвым ребенком. В большей части других вариантов причина другая: обвиняемый, желая скрыться от истцов, сбивает с ног будущую мать [Азерб. ск., 490] или случайно пугает ее (см. абхазскую, амхарскую, филиппинскую сказки и итальянскую новеллу [Абх. ск., № 56; Амх. ск., 300—301; Фил. ск., № 5 ab; Буслаев 1886, 303—304]). Смягчение мотива произошло и в древнеанглийском стихотворении Б. Перси по причине запрета говорить о подобном состоянии [Буслаев 1886, 305—306]. В этом стихотворении лошадь, верхом на которой едет дама, пугается бедняка и сбрасывает даму, при падении повреждая себе глаз.

Сюжетный ход тюркоязычных и восточных сказок об убийстве случайного прохожего в результате падения на него главного героя не добавляет почти ничего нового к уже рассмотренным восточнославянским и западноевропейским вариантам. Несчастный, думая, что кадий осудит его на казнь, предпочитает самоубийство смерти от руки палача. Он прыгает с обрыва, стены, минарета или мечети, но не разбивается, а падает на оказавшегося внизу человека, который тут же умирает. И только в абазинской сказке [Абаз. ск., № 109] он поступает

так не по своей воле: истцы, сговорившись между собой, решают, что лучше бросить нищего старика со скалы, чем идти с ним дальше в суд, ведь им с него всё равно нечего взять.

В тюркоязычных и других восточных вариантах суд вершит обычно кадий, реже ишан или халиф — представители мусульманского духовенства. В сказках народ избличает религиозное правосудие в лице алчного и несправедливого кадия, притворщика, ведущего развратный образ жизни.

Большинство тюркоязычных и других восточных вариантов относится к сатирической версии сюжета АТ 1534. Эпическая версия представлена казахской, ингушской, тибетской, абхазской, еврейской и курдскими сказками [КНС 2, 280; Schiefner 1906, 29—36; Абх. ск., № 56; Булгаков 1879, 2—3; Курд. ск., № 64].

В восточных вариантах (таджикском, персидском и др.) сатирической версии по дороге в суд ответчик с истцами становятся очевидцами разнообразных беззаконий, творящихся с ведома или по приказу кадия. Видят они, как ведут на казнь ни в чем не повинного человека и несут хоронить живого мужчину. Встречают пьяного мухтасиба (духовное лицо у мусульман), несмотря на то что, по законам ислама, пить вино — грех. Мусульманин на минарете, читающий азан (призывы к молитве), оказывается евреем. А в мечети, куда заходят отдохнуть, они застают людей, играющих в кости и пьющих вино. Всё увиденное заставляет их задуматься о том, что же представляет собой кадий, к которому они направляются.

Нетюркоязычные восточные варианты не содержат эпизода, в котором главный герой прячет за пазухой камень. Этот эпизод сохраняется в первоначальной форме лишь в таджикской, а также в татарской и одной башкирской сказках (в двух последних случаях, вероятно, под влиянием восточнославянского сказочного эпоса [БХИ 5, № 53; ТХИ 3, 218—222; ТХИ 4, № 18; Тат. ск., № 129]). Это ни в коей мере не подвергает сомнению наш вывод о преимущественной близости татарских вариантов остальному восточному материалу. Мы не отрицали некоторого опосредованного восточнославянского влияния на татарские сказки, это относится и к данному конкретному эпизоду. В абазинском варианте [Абаз. ск., № 109] эпизода с камнем

нет, но обвиняемый всё время прикладывает руку к нагрудному карману, подмигивая судье, так что кадий всё равно оказывается в заблуждении. В большинстве тюркоязычных и других восточных вариантов действие разворачивается следующим образом: ответчик случайно застает кадия за непотребным занятием, скрывает это и говорит остальным, что судья занят молитвами о благоденствии народа. Кадия его находчивость приходится по душе, и он выносит решение в пользу виновного.

В эпической версии сказок судья выносит решение согласно своим представлениям о справедливости. Так поступает судья из ингушской, абхазской, еврейской и тибетской сказок [Абх. ск., № 56; Булгаков 1879, 2—3; Schiefner 1906, 29—36]. В тибетской сказке к королю Адарзамуке обращаются за советом не только люди, но и животные. По дороге во дворец человек встречает животных, терпящих различные мучения, и соглашается узнать у короля, когда эти мучения кончатся [Schiefner 1906, 29—36] (см. сюжетный тип АТ 460 В — «Путешествие к солнцу»). В некоторых сказках происходит замена судьи. В казахском варианте в роли судьи выступает прохожий — почтенный и сметливый старик [КНС 2, 280]. В курдской сказке к халифу приходит его брат Балули-Зана и просит уступить на время свой трон [Курд. ск., № 64]. Балули-Зана, герой многих фольклорных произведений народов Ближнего Востока, сочувственно относящийся к бедным, оправдывает обвиняемого. В сирийском и курдском вариантах дочь просит разрешения у отца — кадия или халифа — судить вместо него. В сирийской сказке она переодевается в мужскую одежду (в курдской переодевание отсутствует), идет в здание суда и выносит справедливый приговор [Сир. ск., 226—230; Курд. ск., № 64]. В дагестанском варианте к гуманному решению судью склоняет его жена, которую попросил о помощи подсудимый [СНД, № 81].

Приговоры судей в эпической и сатирической версиях одинаковы, что еще больше сближает эти две версии.

По иску ростовщика о куске мяса, который он должен вырезать у должника, кадий обычно выносит решение вырезать ровно фунт — не больше и не меньше. Иногда он еще добавляет, что в случае ошибки излишек или недостаток

будет вырезан у истца или ростовщика казнят, если он пролетит при этом хоть каплю крови. В абазинском варианте судья предлагает еще дать ответчику денег для того, чтобы он отработал старый и новый долг [Абаз. ск., № 109]. В азербайджанской сказке кадий говорит, что отдавать деньги под проценты, согласно шариату, не разрешается, это большой грех, и приговаривает самого обвинителя к штрафу [Азерб. ск., 490].

Второй приговор кадия касается порчи животного. Если в восточнославянских сказках за ту же самую провинность истцу велют отдать животное виновному, чтобы тот держал его у себя, пока у скотины не отрастет хвост [СУС, 313], то в восточных этот приговор сохраняется только в татарском и ингушском вариантах [ТХИ 3, 218—222]. Данный приговор, исполнение которого никогда не осуществится, так как хвост у осла никогда не отрастет, можно сравнить со сказанием из Вавилонского Талмуда [Бейлин 1907, 135]. В нем говорится, что если кто отсечет ухо у чужого осла, судьи должны отдать осла во владение обидчику, пока не вырастет новое ухо. В восточнославянских сказках тоже есть сюжетные типы, своим характером отдаленно сходные с данным решением судей. Это сказки типа АТ 1184 «Последний лист», в которых человек должен заплатить черту, когда у дуба упадет последний лист (он никогда не падает), и варианты типа АТ 1185* «Когда свиньи (воробьи) пойдут шагом», тогда долг черту будет возвращен (свиньи всегда бегут домой). В таджикской и туркменской сказках типа АТ 1534 истцу предлагается самому попытаться оторвать хвост у осла судьи; когда ему это не удастся, кадий приговаривает самого обвинителя к штрафу [Тадж. ск., 534—536; Туркм. ск., № 42]. Но в большинстве восточных вариантов хозяин бесхвостого осла, увидев, как судит кадий, предпочитает не предъявлять иска. Он восклицает, что «у его осла с детства не было хвоста» (вошло в поговорку и получило широкое распространение на Востоке). И еще в двух вариантах решения судей оригинальны. В таджикской сказке кадий велит отдать ответчику осла с повозкой, с тем чтобы он, когда заработает на нового осла, вернул долг [Тадж. ск., 534—536]. В персидском варианте судья отказывает истцу в возмещении убытков, так как тот сам про-

сил бедняка помочь ему вытащить осла из грязи [Жуковский 1891, 1—22].

В сказках, повествующих о нечаянном ослеплении животного, приговор несколько иной. Кадий в таджикском, дагестанском, сирийском, курдском и персидском вариантах предлагает хозяйину лошади рассечь ее на две половины, слепую отдать виновному и получить ее стоимость [Тадж. ск., 534—536; СНД, № 81; Сир. ск., 226—230; Курд. ск., № 64; Жуковский 1891, 1—22]. В казахской и во второй курдской сказках истцу предлагается самому попытаться бросить в верблюда или ответчика палку и ослепить его на один глаз [КНС 2, 280; Курд. ск., № 64]. А в тибетской сказке судья за то, что человек попросил остановить несущую кобылу, приговаривает его к отрезанию языка, а за то, что обвиняемый бросил в лошадь камень, — к лишению его руки [Schiefner 1906, 29—36].

По поводу нечаянного убийства ребенка во чреве матери приговор кадия такой же, как в восточнославянских и западноевропейских вариантах: отдать жену ответчику, пока она не родит другого младенца или пока не забеременеет. Если же ребенка в этом случае не будет, то с обвиняемого кадий предлагает взять диат — выкуп за младенца (см. дагестанскую сказку [СНД, № 81]). Оговаривается судьей и пол будущего ребенка. В одном персидском варианте он говорит, что, если женщина родит сына — это будет за сына, а если дочь, — то нужно взять деньгами разницу сына и дочери. В другой персидской сказке судья объясняет потерпевшему, что, если родится дочь, нужно подождать еще немного, а если и во второй раз родится дочь, то надо утешиться, так как две дочери равны одному сыну [Жуковский 1891, 1—22]. В азербайджанском варианте истцу дается совет поступить так же неосторожно с женой ответчика, когда она будет на этом же месяце беременности [Азерб. ск., 490].

Относительно убийства человека в результате падения на него главного героя большинство восточных, в том числе и тюркоязычных, вариантов повторяют тот же приговор, что и в сказках других народов мира: спрыгнуть на виновного с возвышенного места и убить его при падении на него. Иногда еще добавляется, что в том случае, если обвиняемый останется

жив, казни подвергнется сам истец. В арабской сказке судья рассуждает иначе. Он утверждает, что умерший дважды виновен: первая его вина — избрал путь мимо минарета, вторая вина — спас человека, достойного смерти; однако кадий не считает возможным наказать его, так как тот ушел из этого мира [Араб. ск., 268—272]. В тибетской сказке блюститель правопорядка предлагает вдове взять виновника смерти ее супруга в мужа [Schiefner 1906, 29—36].

Восточные, в том числе и тюркоязычные, варианты заканчиваются тем, что все истцы отказываются от своих исков и вынуждены заплатить за это штраф. Иногда кадий делится полученными деньгами, и бедняк превращается в состоятельного человека. Но чаще всего он наживается на том, что от него откупаются истцы, не желающие выполнять решений суда.

В некоторых сказках [Жуковский 1891, 1—22; Тадж. ск., 534—536] после суда счастливый оправданный ответчик еще спрашивает у судьи о тех странных и нелепых вещах, которые они наблюдали по дороге к нему. Судья отвечает на все вопросы. Его ответы не менее парадоксальны, чем приговоры. Живого мужчину хоронили по его приказанию, так как, когда этот человек уехал в путешествие, пронесся слух, будто он умер. Судья выдал его жену за своего брата, а дочь — за племянника, а имущество разделил между ними. Когда же путешественник возвратился, было гораздо легче предать его земле, чем восстанавливать в правах. По поводу казни невинного человека судья поясняет, что кузнец убил богача, родственники которого требовали отмщения кровью. Но в городе был только один кузнец и много чесальщиков; поэтому для города выгоднее было казнить одного из чесальщиков, чем единственного кузнеца. Пьяный человек в чалме — местный мухтасиб. В его обязанности входит проверка винных погребов неверных, он пробовал вино и давал разрешение на его продажу. Мухтасиб возвращался после исполнения своих обязанностей. Что касается муллы, то в городе, оказывается, нет ни одного мусульманина с хорошим голосом, поэтому кадий пригласил читать азан с минарета своего друга еврея. Мечеть содержит человек бедный, обре-

мененный большой семьей, поэтому, чтобы повысить свои доходы, он разрешает в здании мечети играть в азартные игры и пить вино за деньги. После этих откровений кадия ответчик становится его другом и приятелем или бежит от него с проклятиями.

* * *

Корни историко-культурных и фольклорных связей тюркоязычных народов уходят в глубь веков. Генетические и типологические связи сказочных традиций тюркоязычных народов способствовали проникновению сюжетов, мотивов и образов из фольклора других народов, но в то же время сохраняли национальную специфику. Сказочный сюжет АТ 1534 нашел отражение в фольклоре таких тюркоязычных народов, как татары, башкиры, туркмены, казахи, азербайджанцы. В их сказках сюжетного типа «Шемякин суд» имеются общие особенности. Героем туркменского, азербайджанского и татарского вариантов [Туркм. ск., № 42; Азерб. ск., 490; ТХИ 3, 218—222] является бедняк, доведенный бедностью до крайности. Так же, как в татарском варианте, в туркменской и азербайджанской сказках герой совершает неумышленную порчу животного — нечаянно отрывает хвост у лошади (осла). В большинстве тюркоязычных вариантов бедняга, сопровождаемый истцами в суд, вырывается от них и прыгает с обрыва, стены или моста и убивает в результате своего падения человека, случайно оказавшегося внизу. Одним истцом становится больше. Высшей судебной инстанцией в сказках является суд кадия. Все варианты, за исключением казахского, примыкают к сатирической версии сюжета. В казахской сказке вместо кадия судит почтенный и сметливый старик, встретившийся им на дороге [КНС 2, 280]. Что касается приговоров, то совпадения в разных вариантах сказок встречаются только для одного из них. За убийство случайного прохожего в результате падения на него главного героя в казахском, туркменском, азербайджанском и татарском вариантах судья приговаривает виновного к такому же наказанию: истцы должны прыгнуть на виновного сверху и убить его [Азерб. ск., 490; ТХИ 3, 218—222]. В туркменской, татарской и казахской сказках истцы откупаются от ответчика, после чего он становится состо-

тельным человеком [Туркм. 3, № 42; ТХИ 3, 218—222; КНС 2, 280].

* * *

Взаимодействию и взаимообогащению татарского и башкирского фольклора способствовало переплетение их исторических судеб, сходство материальной культуры и бытовая общность. Немалую роль сыграли и процессы языкового сближения, отмеченные лингвистами. В фольклоре зафиксированы три татарские и одна башкирская сказка типа «Шемякин суд» [ТХИ 3, 218—222; ТХИ 4, № 18; Тат. ск., № 129; БХИ 5, 53]. Эти сказки разнообразны по характеру действующих лиц, по развитию конфликта, однако некоторые общие моменты между башкирским и татарскими вариантами легко обнаруживаются. Например, в башкирском и одном татарском вариантах [БХИ 5, № 53; ТХИ 4, № 18] действует совершенно особый герой, он не бедняк, а, скорее всего, обманщик и плут. Придя в суд, он старается во что бы то ни стало склонить судью на свою сторону. Во всех татарских и башкирских вариантах сказки сохранился мотив камня, которым угрожает судье обвиняемый, отсутствующий в вариантах других народов Востока. В этом конкретном случае можно говорить о влиянии восточнославянского фольклора. Как и в мировом фольклорном материале, все восточные сказки заканчиваются посрамлением корыстного судьи.

Обращаясь к сюжету АТ 1534 в татарских сказках, необходимо иметь в виду, что татарский народ сложился из многих этнических компонентов. К тому же по происхождению он тюркоязычный (восточный), а по проживанию — европейский. Именно поэтому в татарских сказках чувствуется влияние как восточного, так и западноевропейского фольклорного материала. Опубликованных татарских сказок о неправедном суде всего три. Однако эти три варианта очень отличаются один от другого. Две сказки вошли в 3-й и 4-й том антологии на татарском языке «Татарское народное творчество» (1977 и 1981 гг.). Один вариант был опубликован в книге «Мирер, Ахмет Ахай озенбашский» в 1940 г. [Тат. ск., № 129]. Самый полный из них — первый вариант. Он был записан в 1961 г. в деревне Линейная Приволжского р-на Астраханской обл. от Мустафы Садретдинова, 53 лет.

По построению сюжета сказка [ТХИ 3, 218—222] почти полностью повторяет сатирическую версию восточнославянских вариантов о богатом и бедном брате [СУС, 313]. Добавляются лишь некоторые особенности национального быта: суровая уральская зима; аркан, которым бедняк привязывает сани к хвосту лошади; ишан, выступающий в роли судьи. Так же, как и в восточнославянском материале, действующими лицами сказки являются братья — Хайбуш и Гали. Наследство, оставшееся после смерти отца, забирает себе Хайбуш, а так как Хайбуш очень скуп, он ничего не дает брату. Отделившись, Гали с трудом ставит себе дом, батрача на баев; потом женится на такой же бедной, как он сам, девушке. Настает зима, в суровые морозы у бедного брата кончаются дрова. Он отправляется в лес, но привезти дрова ему не на чем. Приходится обратиться за помощью к Хайбушу. Однако богатый брат, кроме лошади, ничего не дает: ни хомута, ни саней. Гали просит у жены аркан, идет в лес, делает из двух бревен сани и привязывает их арканом к хвосту лошади. Всё бы хорошо закончилось, но при въезде во двор сани упираются в подворотню, лошадь дергается и отрывает себе хвост. Хайбуш ведет брата в суд. Гали мерзнет в своей рваной фуфайке и всю дорогу стучит зубами от холода. Поэтому на постоялом дворе он лезет прежде всего на печь, но, заглядевшись на обедающих, падает с нее прямо на колыбель и убивает лежащего в ней младенца. Отец ребенка тоже идет вместе с ними в суд. При переезде через мост Гали прыгает с него вниз и падает на больного старика, убивая его. Несчастный Гали, чтобы хоть как-то защитить себя, кладет за пазуху камень. Во время судебного разбирательства он то и дело показывает ишану на камень. Ишан, надеясь на взятку, оправдывает виновного. Приговоры те же, что и в других восточных вариантах: отдать лошадь, пока не отрастет хвост, передать жену виновному, пока та не родит ребенка, прыгнуть на обвиняемого с моста и убить его. После вынесения приговора судья требует взятку. Гали показывает камень и говорит, что в случае несправедливого приговора он угодил бы этим камнем ишану в лоб. Ишан остается сидеть с почерневшим лицом. Чтобы не выполнять решений суда, все трое истцов откупаются от Гали скотом. Та-

ким образом, нищий Гали из самого несчастного превращается в богатого человека и становится в деревне баем, даже богаче своего брата Хайбуша. В отличие от восточнославянских вариантов, в татарском детальнее и психологически полнее разработан образ Гали. Прибавляются новые подробности о наследстве, строительстве дома, женитьбе на бедной девушке Амине и т.д. Для создания правдивого образа бедного брата используется большое число определений: *юмарт, фекыйрь, мескен, ач, гаепле Гали* (добрый, бедный, несчастный, виноватый Гали).

Вторая татарская сказка [ТХИ 4, № 18] так же, как и польская сказка Рея из Нагловиц, связана с вариантами сюжетного типа АТ 1534 только наличием мотива камня, которым угрожает судьбе обвиняемый. Действие разворачивается очень схематично: два человека обращаются в суд, один из них показывает кадию на свой карман во время слушания дела; судья оправдывает того, от кого думает получить взятку. Конец сказки сходен с восточнославянскими вариантами [СУС, 313] — судья требует обещанное; подсудимый говорит, что это был камень, которым он хотел ударить судью в лоб в случае вынесения обвинительного приговора. Другие мотивы, характерные для сказок типа АТ 1534, — порча животного, убийство младенца и убийство прохожего при падении главного героя сверху — в татарской сказке отсутствуют.

Третий вариант был обнаружен нами в сборнике «Мирер, Ахмет Ахай озенбашский». Ахмет Ахай — любимый персонаж народов Востока. Герой — плут и обманщик, защитник бедных и обиженных. В книге, отрывок из которой и составляет сюжет сказки, описываются его различные проделки, посрамляющие богачей и религиозных служителей. Эта сказка повествует об одной из уловок Ахмет Ахая, с помощью которой он раскрывает двуличность и криводушие кадия.

Ахмет Ахай случайно встречает на дороге человека с женой, едущей верхом на ослице, притворяется слепым и просит взять и его с собой. Хозяин жалеет слепого, слезает с ослицы и сажает его впереди своей жены. По приезде в город хозяин-муж говорит слепому, что они приехали, и предлагает сойти на землю. Однако Ахмет Ахай начинает кричать, что

ослица и женщина принадлежат ему, а этот человек хочет отнять их у бедного слепого. Спорящих направляют в шарикат к кадию. В суде Ахмет Ахай хлопает себя по груди, где у него был спрятан камень, и дает кадию понять, что пригрозил для него хороший подарок. Кадий разрешает спор оригинальным способом: он предлагает спорящим ответить, осел или ослица то животное, на котором ехал слепец. А так как ответы были противоположными, то он выбрал самое верное, по его мнению, решение: отдать женщину слепому, а ослицу поставить к себе в ослятник и держать там до тех пор, пока та не разродится осленком. Если это случится, тогда тот, кто называет себя хозяином ослицы, пусть заберет ее. Если пройдет положенный срок и осленка не будет, может прийти другой, называющий себя хозяином осла.

Данный поворот событий сходен с башкирской сказкой [БХИ 5, № 53], в которой судья задает тот же вопрос: «Меринами или кобылицами были украденные лошади?». Окончательно запутав потерпевшего, он провозглашает невиновным конокрада, все лошади которого якобы были кобылицами.

Истец в татарской сказке, проигравший на суде всё, что имел, хватается за волосы и в отчаянии начинает рыдать. Ахмет Ахай успокаивает его и говорит, что тот может всё получить обратно, поскольку он не слепой с большой дороги, а зрячий. Но ведь и слепой может разглядеть, как бессовестно судит наш многоуважаемый кадий. Подобное посрамление судьи также встречается в еврейской сказке, в которой брат и сестра решают выставить судью на всеобщее осмеяние. Каждый из них дает ему взятку. Судья выгораживает того, чей подарок ему пришелся больше по душе. Причем сначала он выносит оправдательный приговор в пользу сестры, а затем — в пользу брата.

Уловку Ахмет Ахая притвориться слепым и его заключительные слова можно сравнить с китайской сказкой «Глазная болезнь», в которой судья присуждает и правой и виновной стороне по двадцать палочных ударов. Приказные просят отпустить их домой, жалуясь на то, что слепнут. Когда же судья не верит этому заявлению своих подчиненных, они говорят: «Конечно, вы видите нас ясно, а

мы как посмотрим на вас, так словно глупость глаза застилает» [Кит. ск., 502].

Башкирская сказка «Судья и конокрад» [БХИ 5, № 53] не имеет близких вариантов ни в башкирском, ни в другом национальном материале. Ни в одной из известных нам сказок типа «Шемьякин суд» нет героя-конокрада, отрицающего предъявленное ему обвинение. Эпизоды, предшествующие сцене суда, отсутствуют в башкирской сказке, оставаясь за рамками сюжета. В центре действия — изворотливый вор, отрицающий на суде свою вину. В других же сказках этого типа бедняк-ответчик, нечаянно оказавшийся преступником, не выгораживает себя на суде.

* * *

Проведенный анализ тюркоязычных вариантов типа АТ 1534 показал особую близость татарских сказок остальному восточному материалу, а башкирских — восточнославянскому. Однако не отрицается влияние западноевропейского фольклора на татарский сказочный эпос и восточного — на башкирский.

Тюркоязычные сказки сохранили в первоизданном виде мотивы, давно подвергшиеся смягчению в западноевропейском фольклоре. Это мотив помещения дочери царя в дом блуда (АТ 950), повествование о кадие, которого застают за непотребным занятием (АТ 1534), мотив вырезания мяса из тела должника (АТ 1534) и др.

Сохранению и передаче таких мотивов способствовало то, что в XVI—XVII веках в странах Востока было принято долги зимние ночи проводить в общественной комнате в деревне или в кофейнях города. Там собирались обычно только мужчины — бедняки и ремесленники, чтобы слушать различные истории [Короглы 1977, 15]. В соответствии с их запросами сказители пересказывали услышанные и вычитанные чужеземные сюжеты, не заботясь об их сходстве с оригиналом. Так возникали новые произведения на старые сюжеты. Особенно большим успехом пользовались сатирические рассказы, высмеивающие наиболее важные устои в укладе жизни мусульманского общества. В тюркоязычной сказке пьяница — цензор нравов; вымогатель, бесчестный человек — судья; игорный дом — мечеть...

Следует отметить, что только в тюркоязычных и других восточных вариантах сказок в роли судьи выступает женщина. В таких сказках она исполнена чувства собственного достоинства и представляется не забитым существом, как принято было думать о женщине Востока, — она нравственная опора, советчица и помощница мужчины. Да и в жизни Востока и Запада за внешней покорностью, смирением женщины скрывались и сообразительность, и умение обойти самое сложное препятствие. К тому же на трактовку женских образов оказывало влияние и то, что в Турции, например, как и в некоторых других странах Востока, сказки рассказывались исключительно женщинами. Вот почему этот жанр долго не принимался во внимание знатоками турецкого фольклора, их называли пренебрежительно «бабушкиными сказками». Вероятно, в силу этих причин в восточных сказках так много места отводится приключениям женских персонажей, а герои-мужчины — это часто переодетые девушки (как, например, в сирийской сказке типа АТ 1534 [Сир. ск., 226—230]).

Источники

- Абаз. ск. — Абазинские народные сказки. М., 1985.
- Абх. ск. — Абхазские народные сказки / Сост. К.С. Шакрыл. М., 1975.
- Азерб. ск. — Азербайджанские тюркские сказки / Пер., сост. и коммент. А. Багрия, Х. Зейналлы. М., 1935.
- Амх. ск. — Амхарские народные сказки / Пер., предисл. и примеч. Э.Б. Ганкина. М., 1979.
- Араб. ск. — Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун-ар-Рашиде, остро-слове Абу Нувасе и хитроумном Джухе / Пер. с араб. Р. Алиева и Д. Юсупова; Отв. ред. и авт. предисл. Б.Я. Шидфар. М., 1976.
- БХИ — Башкорт халык ижады. Екиеттер. Кн. 5. Өфө, 1983.
- Кит. ск. — Китайские легенды, сказки, басни, пословицы и поговорки. Пермь, 1958.
- КНС — Казахские народные сказки: В 3 т. Алма-Ата, 1971. Т. 1.
- Курд. ск. — Курдские сказки, легенды и предания. М., 1989.
- Сир. ск. — От Ахикара до Джано / Пер. с сир. А. Белова, сост. и коммент. Л.М. Белова и Л.Х. Вильскера. М.; Л., 1960.
- СНД — Сказки народов Дагестана / Сост. Х. Халилов; Авт. типолог. анализа сюжетов И. Левин. М., 1965.
- Тадж. ск. — Таджикские сказки / Сост. Р. Амонов. М.; Л., 1961.

Тат. ск. — Мирер, Ахмет Ахай Озенбашский. М., 1940.

ТХИ — Татар халык ижады. Екиятлер. Кн. 1. Казань, 1977; Кн. 3. Казань, 1981.

Туркм. ск. — Проданный сон. Туркменские народные сказки / Сост. И. Стеблева. М., 1960.

Фил. ск. — Filipino popular tales / Collected and edited with comparative notes by D.S. Fansler; Frwd. by F. Eggan. Pennsylvania, 1965.

Schiefner 1906 — Tibetan Tales Derived from Indian Sources, translated from the Tibetan of the Kan-byor by F. Anton von Schiefner / Done into English from the German, with an introduction by W.R.S. Ralston. London, 1906.

Литература

Бейлин 1907 — *Бейлин С.Х.* Странствующие и всемирные повести и сказания в древнеравнинской письменности. Иркутск, 1907.

Булгаков 1879 — Повести о суде Шемяки // Общество любителей древней письменности / Сост., предисл. Ф. Булгаков. Т. 38. СПб., 1879.

Буслаев 1886 — Мои досуги. Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Ф. Буслаева: В 2 ч. Ч. 2. М., 1886.

Жуковский 1891 — *Жуковский В.А.* Персидские версии «Шемякина суда». СПб., 1891. С. 157—176. (Отдельный оттиск из «Записок восточного отдела имп. Рус. археолог. общества»; Т. 5).

Короглы 1977 — *Короглы Х.* Трансформация заимствованного сюжета (по материалам эпоса народов Ближнего Востока и Средней Азии). М., 1977.

Левшин 1780 — *Левшин В.А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывания в памяти приключения. Ч. 2. М., 1780.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Барраг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.

Тихонравов 1861 — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 3. Кн. 5. М., 1861.

Benfey 1859 — *Benfey Th.* Panschatantra: fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Bd. 1. Leipzig, 1859.

Liungman 1961 — *Liungman W.* Die schwedischen Volksmärchen. Berlin, 1961.

Sinsheimer 1947 — *Sinsheimer H.* Shylok, the History of a Character or the Myth. London, 1947.

Sofer 1965 — *Sofer Z.* Das Urteil des Schemjaka: Diss. Göttingen, 1965.

Thompson 1961 — The Types of Folktales: A Classification and Bibliography Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC 3), translated and enlarged. 2nd rev. (FFC, № 184). Helsinki, 1961.

Wesselski 1925 — *Wesselski A.* Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925.